

Анатолий Беляев

рассказы

У костра

Часть 1. Исповедь хулигана

Детские проказы

Содержание

Дом на берегу Невы	3
Плохое слово	12
В деревне	17
На даче	25

Дом на берегу Невы

За Невской заставой, вдоль проспекта Обуховской обороны выстроились корпуса заводов и фабрик. Их высокие кирпичные трубы подпирали низкое ленинградское небо, а по утрам заводские гудки тревожно ревели, призывая на смену десятки тысяч рабочих.

Наш старый пятиэтажный дом стоял на левом берегу Невы. Весной, когда залитые мазутом берега освобождались от снега, мы забирались на крышу дома смотреть ледоход. Огромные льдины, теснясь и разворачиваясь, шли по Неве прямо на нас и если не смотреть на берег, то, казалось, мы плывем на ледоколе по безбрежным просторам Арктики.

Зимой и летом в доме остро пахло смолистым деревом. Под самыми окнами работала лесопилка. На берегу громоздились штабеля круглых скользких бревен. Их пригоняли в плотях по Неве черные тупоносые буксиры. Грохочущие лебедки затаскивали бревна на территорию лесопилки, и звонко визжащие пилы распускали стволы на широкие доски.

На первом этаже дома располагалась большая коммунальная квартира. В конце длинного коридора в двух маленьких комнатах жили мои родители, старший брат и я. Две комнаты рядом занимали соседи. Главой семьи у них была крепкая пожилая женщина по прозвищу Смирниха – гроза всей коммуналки. У нее были взрослый сын, невестка и два внука.

У всех жильцов нашей квартиры были какие-нибудь прозвища, которые придумывал вороватый па-

рень Ленька Чумаков, прикидывающийся блатным. Самого Леньку все называли не иначе как Чума. В квартире Ленька не крал – боялся Смирнихи, которая на кухне при всем честном народе предупредила, что убьет его поленом, если пропадет хотя бы спичка. Чума знал – Смирниха слов на ветер не бросает, и если обещала, то прибьет.

Сын Смирнихи – Николай считался самым образованным в квартире. Он окончил техникум и работал инженером в плановом отделе завода. Возвратившись с работы, Николай сразу ложился на диван с газетой в руках. На все упреки домашних о том, что он палец о палец не ударит, инженер выразительно глядел на нахала поверх очков и ехидно спрашивал: «А диплом?» За это его естественно и звали Диплом.

Жену Диплома, высокую сутулую женщину, звали Дылда. Их старший сын Славка – мой ровесник, капризный большеголовый мальчишка, отличался на редкость вредным характером. Когда его били во дворе за какую-нибудь гадость, он бежал и дурным голосом на весь двор орал: «Бабуся!» – призывая на помощь всемогущую бабушку. За это его прозвали Бабуся.

В остальных комнатах нашей квартиры проживали женщины – одиночки, потерявшие мужей на войне. В самой крайней, узкой, тесной комнате, жил Петрович – молчаливый, контуженный на фронте мужчина. Он работал на заводе в кузнечном цехе. Говорили, что у Петровича есть какая-то справка из психушки, и если он убьет кого угодно, то ему ни фиги за это не будет. Поэтому его боялись как дети, так и взрослые, включая

Смирниху. Но однажды Смирниха не сдержалась и чуть не лишилась руки. А дело было так: еще в блокаду Смирниха захватила на кухне место у окна и вворила туда большой стол, занимавший треть всего помещения. Когда жильцы вернулись из эвакуации, и народу прибавилось, всем стало тесно на кухне из-за размеров стола. Но для Смирнихи война за стол была священной. Поэтому, победить ее было невозможно. Между плитой и Смирнихиным столом оставалось так мало места, что поместилась лишь тумбочка, на которой и расположился контуженый Петрович. Смирниха варила кашу на примусе, а руку, как бы невзначай, положила на тумбочку соседа. Петрович шинковал капусту большим вороненым ножом. Он заметил руку, сердито кашлянул, но стерпел. Смирниха расценила это как проявление слабости, и для закрепления успеха продвинула руку дальше. Тут эхо разрыва фашистского снаряда ударило Петровичу в голову, он размахнулся и рубанул прямо по руке. Смирнихе повезло, она успела отдернуть руку, и сокрушительный удар пришелся по краю тумбочки. Этот глубокий след от ножа показывали всем детям как доказательство безнаказанности Петровича. Смирниха тут же смылась в свою комнату, и ее до вечера поили валерьянкой.

Никто не сказал Петровичу даже слова, но судьба его была трагична. Доведенный до изнеможения головными болями от контузии, он однажды ночью повесился в своей комнате.

Через некоторое время в комнате Петровича поселилась новая жиличка с двумя маленькими дочками.

Красивая молодая женщина была женой офицера-подводника. В их комнате появилось пианино, и я впервые услышал удивительную волшебную музыку.

Новая жиличка была интеллигентной женщиной, ко всем обращалась только на «Вы» и по имени отчеству, а не по кличке. Даже Смирниха сначала взяла новенькую под свое покровительство и подробно рассказала ей, какие сволочи живут в этой квартире, что они способны на всё и лучше от них держаться подальше.

Однажды новенькая сварила щи с мясом, что в те еще голодные после войны годы было редкостью в нашей квартире. И вот эти щи стали пениться и пахнуть хозяйственным мылом. Новенькая сокрушалась, что плохо сполоснула кастрюлю после мытья. Все попытки съесть щи, окончились неудачей – разлило мылом. Тогда она решила отдать щи многодетной дворничихе, ютившейся с четырьмя детьми в полуподвале. Младшего сына дворничихи так и звали: Юрка-подвальный. Но и они не смогли съесть даже мясо. А когда выливали щи в уборную, то обнаружили маленький серый обмылок, который новенькая не признала за свой, и дворничиха ей намекнула, что кто-то ей мыло в щи подложил. Жиличка расстроилась и со слезами на глазах рассказала обо всем на кухне.

«Это еще что, – ухмыльнулась Смирниха, помещивая манную кашу для своего внука, – с нашим народом держи ухо остро, не постесняются и дерьма подложат!»

Большой жизненный опыт не подвел Смирниху и на этот раз – в тот же день ей в кастрюлю положили

кал ее же внука, нестиранные пеленки которого она оставила на кухне.

И все же, по большому счету, жильцы в нашей квартире жили дружно. Была в те годы в Ленинграде очень модная задушевная песня «Голубка». Пластинку невозможно было достать, и на барахолке торговали рентгеновскими пленками с записями популярных мелодий. Однажды жильцы, истосковавшиеся по любимой песне, решили скинуться и купить такую пленку. Чуме вручили бутылку самогонки с наказом обменять ее на «Голубку».

Вечером Чума явился с пленкой. Соседка, работавшая старшей медсестрой, посмотрела негатив на просвет и определила: «осколочное ранение голени».

На кухню вынесли патефон, завели и установили пленку. Все замерли, ожидая начала песни. «Ш... ш... ш... ш... ш... ш... – целую минуту шипела пластинка. Но петь никто не спешил. – О, голубка моя, – вдруг пропел кто-то пьяным хриплым голосом, и опять: – Ш... ш... ш... Что прищурились? – вдруг насмешливо произнес тот же голос. – Голубку захотели? – певец громко икнул. – Хрен вам, а не голубку!»

Шипение пленки закончилось.

Жильцы собрались побить Чуму, но тот клялся, что «поставит на перо» козлов, всучивших ему эту пленку, и завтра же достанет новую. Он обратился к Зюзе – известному в нашем доме воровскому авторитету и вместе с ним поехал на барахолку. Они разыскали продавцов и затребовали у них две новые пленки. Малолетки при виде татуированного Зюзи безропотно от-

дали пленки и нажаловались своему пахану. Воровская кодла подловила Зюзю с Чумой при выходе с толкучки. Спас их только проходивший мимо трамвай. Но и тех синяков, которые они успели получить, хватило бы на десятерых.

«Было море крови! – самозабвенно врал потом Чума, еле шевеля разбитым ртом. – Мы резали их как баранов, направо и налево!»

Так Зюзе бесплатно досталась Голубка, которую он крутил на патефоне целыми днями. Когда пленка испортилась, подвыпивший Зюзя сам исполнял Голубку на радость соседям.

Несмотря на то, что мне едва исполнилось шесть лет, отношения со Смирнихой у меня были натянутые. Называла она меня не иначе как «змееныш», произнося это слово с особым шипением на конце. Мой покровитель Чума придумал для ее внука Славки новую кличку – «подсвинок». Так что мы при встрече обменивались со Славкой любезностями. Он, завидев меня, злобно шипел сквозь зубы, изображая змею, а я сначала не отвечал, но потом быстро заводился и хрюкал прямо ему в лицо. Это сразу приводило Славку в бешенство, и всё завершалось яростной потасовкой.

Дрались мы со Славкой часто. Противник он был сильный и безжалостный. Используя преимущество в весе, Славка хватал меня и старался повалить на землю. Если только это ему удавалось, он садился верхом мне на грудь и замазывал мое лицо и одежду грязью. За это мне еще дополнительно попадало. Раза два у него этот номер прошел, и тогда я решил, не дожидаясь

Славкиных объятий, бить первым точно в нос, чтобы пошла кровь, которой Славка боялся ужасно. Но Славка научился использовать разбитый нос в свою пользу. Он прибежал с замазанным кровью лицом жаловаться моим родителям, утверждая, что я зверски его избил, за что меня тут же наказывали. Тогда Чума показал мне, где находится солнечное сплетение, и научил бить прямо в «дых». Нокаутированный Славка валился на землю, как сноп, а потом долго не мог отдышаться, чтобы затеять новую драку или заплакать.

Однако большую часть времени мы со Славкой мирно играли на улице или в коридоре, так как остальные дети в нашей квартире были либо значительно старше нас, либо младше. Одна из таких игр закончилась тем, что Смирниха подала заявление в народный суд, обвиняя меня в злостном хулиганстве.

Однажды, играя на берегу Невы, я нашел под бревнами красивую латунную трубочку, запаянную с двух концов и по виду напоминавшую школьную ручку. В те времена очень модными были складные ручки в виде трубочки, в которую вставлялись два металлических наконечника: один с обрезком карандаша, другой с пером для чернил. После использования карандаш и перо убирались внутрь трубочки. Ребята носили такую ручку в специально выстроченном узеньком кармашке демократки. У Чумы тоже была складная ручка, только вместо карандаша был впаян небольшой острый стилет.

Сначала я подумал, что судьба одарила меня именно такой ручкой, и попытался выдернуть из конца

трубки перо или карандаш. Но не помогли даже зубы, которые оставляли следы на металле. Славка стоял над душой и пытался выхватить у меня из рук трубку, повторяя: «Дай я. Ну, дай я. У меня сразу получится!»

Улучив момент, Славка вырвал трубку из моих рук и помчался с ней домой. Плача от обиды, я побежал за ним, обзывая его подсвинком и по примеру Смирнихи угрожая убить поленом, если он сейчас же не отдаст мне трубку. Это лишь добавило Славке прыти. Громко топая ногами, мы пронеслись по коридору и влетели в Смирнихину комнату.

Было воскресенье, и взрослые собрались обедать. Когда мы вбежали, Смирниха наградила Славку подзатыльником и крикнула: «Быстро мой рыло и садись жрать!»

Славка проскочил мимо бабки к жарко натопленной круглой печке, обернулся, окинул меня злорадным взглядом, состроил рожу и через круглую дырочку в дверце просунул трубку в раскаленное гудящее чрево.

В этот момент я собрался объяснить Диплому, в чем дело, но, увидев бесславный конец моей ручки, заплакал.

«Ты мальчик приходи, когда Славик покушает», – успел произнести Диплом.

И тут раздался ужасный взрыв. Опытная Смирниха, пережившая в этой квартире блокаду, видевшая ежедневные обстрелы и бомбежки, инстинктивно грохнулась на пол и закрыла голову руками. Диплом упал навзничь вместе со стулом, а Дылда повалилась на стол. Славку взрывной волной шибануло в спину и

он, пролетев мимо меня, ударился головой в дверь. Я как стоял, так и сел на зад. Печь скособочилась и осела, топку разворотило взрывом, и вековая сажа заполнила комнату. В наступившей темноте светились и дымили разбросанные по полу горящие поленья. От них занялась тюлевая занавеска. Пожар быстро потушили, но грязь и сажу растащили по всему коридору.

Через полчаса в нашу комнату без стука вошли Смирниха, Диплом и заплаканный Славка. Диплом молча дал сыну увесистый подзатыльник, а Смирниха грозно приказала: «Говори!»

Указывая на меня пальцем, Славка писклявым голосом произнес: «Это была его граната! Он нашел, а я не знал! Он заставил сунуть ее в печку! Он виноват!»

У меня от такой наглости и несправедливости перехватило дыхание. Не успел я раскрыть рот и сказать что-нибудь в свое оправдание, как схлопотал от папашки увесистый подзатыльник. Тут Смирниха разоралась на всю квартиру, обещая затаскать по судам нашу бандитскую семейку, а «змееныша», т. е. меня, сгноить в тюрьме!

От обиды я разревелся и не слышал, как ругалась вся квартира, выясняя обстоятельства случившегося. На другой день я заболел и давал показания, лежа в постели. Мои слова подтвердили соседки и мужики-доминошники. Однако Смирниху это не смутило, и она подала на меня в народный суд.

У меня опять подскочила температура, и ночью был кризис. Рано утром, когда я проснулся мокрый и

ослабевший, ко мне наклонился отец и сказал: «Сталин умер!»

И тут дружно завывали гудки заводов и фабрик нашего района. Эти гудки, такие привычные и знакомые, мы слышали тысячи раз, когда они звали людей на работу, отпускали на обед, возвещали конец смены. Мы всегда знали точно, какой завод или фабрика гудит и когда. В тот день гудки ревели одновременно, и было в их голосах что-то незнакомое, тревожное и суровое. Начиналось новое время, в котором предстояло жить моему поколению.

Все побежали на улицу. Мать схватила меня на руки и в одеяле тоже понесла на улицу. Люди стояли прямо на трамвайных рельсах на проспекте Обуховской обороны у булочной. Из репродуктора гремели слова Левитана. Женщины плакали. Я ничего не соображал и тоже плакал. К ночи у меня снова подскочила температура.

Болея долго. Ночами мне снилась злорадная Славкина физиономия, и планы мести роились в моей голове. Но им так и не суждено было осуществиться. Славке вел себя осторожно и уходил от драк. Зато опять не повезло Смирнихе. Однажды я толкнул ногой дверь нашей комнаты, которая открывалась в коридор, и услышал крик и падение грузного тела. Оказалось, что Смирниха, выйдя из своей комнаты, решила по привычке заглянуть в нашу замочную скважину, и дверная ручка рассадила ей бровь до крови. Смирниха опять подала на меня в суд, утверждая, что она просто

наклонилась у нашей двери поправить тапок, а я подкараулил ее и нарочно стукнул дверью.

В третий раз Смирниха снова была виновата сама. В квартире устанавливали паровое отопление. В нашей комнате рабочие пробрили в стене у самого пола отверстие для трубы. Дыра эта вела в одну из комнат Смирнихи. Мы со Славкой мирно играли: он заглядывал в отверстие из своей комнаты, показывал мне язык и шипел, как змея, а я в ответ ему хрюкал. Потом Славка исчез и через некоторое время швырнул в дыру обломок кирпича, который закатился под кровать. Я достал кирпич, и бросил его назад. Как раз в этот момент в проломе неожиданно показалась голова Смирнихи. Она, по-видимому, отогнала Славку и хотела посмотреть, что же такого интересного есть у нас в комнате. Кирпич попал Смирнихе по тому месту, куда раньше угодила дверная ручка.

Крови было много, и она, искусно размазав ее по лицу, побежала в милицию. Но в районном отделении ее быстро выставили, узнав, что мне только шесть лет.

С Дипломом у меня тоже получилась одна неприятная история. Николай Николаевич разводил гуппи и часами просиживал у аквариума, любуясь их нарядными хвостами и забавными играми. Два или три раза, когда отца не было дома, а Смирниха качала права на кухне, Славка приглашал меня в комнату посмотреть рыбок. Как-то ранней весной, обследуя рыбацкие лодки в поисках забытой под настилом корюшки или миноги, мы вдруг нашли крупного и скользкого ерша со свирепо вытаращенными глазами.

«Давай пустим его в аквариум к твоим рыбкам», – предложил я Славке без всякой задней мысли.

Поймав ерша в луже на дне лодки, мы посадили его в банку и помчались домой. Однако играть с рыбками ёрш не пожелал и сразу забился в угол за растением. Когда же Славка подтолкнул ерша карандашом, он, как сумасшедший, заметался по аквариуму и замутил воду. Мы решили обождать, когда в аквариуме осядет муть, пошли играть на улицу и совсем забыли о ерше.

Вечером Диплом явился с работы и захотел покормить своих любимых рыбок. Но в аквариуме почему-то оказалось только две, зато самые шустрые. Диплом стал искать спрятавшихся рыбок и неожиданно наткнулся на свирепый взгляд сытого ерша, затаившегося между водорослями.

Сколько было крику – не передать. Славку били ремнем, и он орал на весь двор. Мне досталось не меньше.

Все мужчины нашего дома работали на окрестных заводах и фабриках за исключением двух братьев Филатовых, трудившихся на мясокомбинате и покупавших там дешевые субпродукты для всех знакомых. Они были ужасные хохмачи. Однажды старший брат, налив в бычий пузырь свиной крови, спрятал его под ветхой грязной рубашкой, а между пузырем и животом подложил толстую кухонную доску.

Покрутившись около мужиков, играющих в домино, братья нарочно затеяли ссору и младший, достав перочинный нож, пырнул брата в живот. Стар-

ший закричал диким голосом и, схватившись руками за живот, надавил бычий пузырь. Темная кровь фонтаном брызнула из дырки. Это произвело впечатление даже на мужиков, побывавших на войне. Но братьям не повезло. Появился участковый и мгновенно повязал младшего, отобрав у него нож. Когда окровавленный старший поднялся и стал объяснять, что это просто шутка, он арестовал и его, связав братьев спиной друг к другу. Добрые мужики вступились за шутников и стали упрашивать Петровича отпустить их. Но участковому хотелось немного проучить братьев.

И тут пронеслось страшное слово пожар.

Петрович сразу отпустил братьев. Все бросились к деревянным домам. Над одним из них клубился черный дым. Когда приехали пожарные, дом уже сгорел.

Пострадавших не было, все успели выскочить из горящего дома. Когда стали разбираться, от чего загорелся дом, все жители упрямо отмалчивались.

Погорельцам собирали вещи со всего района. Помогли все заводы и фабрики. Только через год просочился слух о том, как загорелся дом. Ребята поймали в подвале дома огромную крысу. В старой птичьей клетке ее выставили на всеобщее обозрение. Кто-то высказал предположение, что это крысиный король. Всем миром решили подпалить ему шкуру и отпустить, так как все крысы сразу покинут дом, испугавшись запаха паленой шерсти. Плеснули на крысу бензином из зажигалки и подожгли. Обезумевшее от страха животное огненным клубком заметалось по клетке, вышибло хлипкую дверцу, выскочило на волю и кинулось в под-

вал. Дом загорелся так быстро, что никто не смог ничего вынести. Успели выбежать все люди, и даже крысы, впереди которых мчался опаленный крысиный король. Крысы переселились в подвал соседнего дома, а людям пришлось туго.

Участковый милиционер расспрашивал погорельцев, чтобы проверить этот слух. Но все молчали, опасаясь, что за неосторожный поджог коммунального дома можно угодить в тюрьму.

Плохое слово

Мы поссорились с братом и отчаянно ругались, припоминая, друг другу всякие обиды. Неожиданно в комнату вошла мать, а я в этот момент как раз обвинил брательника в том, что он ругался матом!

– Кто ругался, Гена? – ужаснулась мать.

И Гена немедленно получил увесистый подзатыльник.

– Врет он все! – обиделся брат. – Когда я ругался?

– Вчера на улице.

– Враньё! Ну, скажи, что я говорил?

– Не могу, это очень страшное ругательство.

– Ага, не можешь, не можешь! – возликовал брательник.

– Я такое плохое слово даже произнести не могу, – запальчиво ответил я.

– Ничего я не говорил! – обиделся и рассердился брат. – Врун! – бросил он мне в лицо.

– А ты... ты... – но я так и не нашел, что ответить.

Мать, заинтригованная ситуацией, решила узнать правду и строго потребовала:

– Ну-ка, сейчас же повтори, что Гена такое сказал!

– Да... я скажу, а ты меня станешь бить!

– Нет, не буду, – пообещала мать.

– Да, брательника ударила, хотя и не слышала, что он сказал, а когда услышишь, то станешь меня бить. Знаешь, какое это плохое слово?

– Нет, не знаю, – мать была окончательно заинтригована.

– И не скажу!

– Нет, ты скажи! – завелась мать. – Раз Гене пошло, ты скажи, а то и тебе попадет!

– За то, что не хочу говорить плохое слово? Да? Большое спасибо!

– А может это совсем и не ругательное слово, – не сдавалась мать, – а я Гену зря наказала.

Я посмотрел на брата, и мой взгляд говорил: «Так тебе и надо!»

– Нет, ты повтори, какое слово я сказал, – возмутился брательник, – а то я сам тебе за вранье шею намылю!

– Да, такой я дурак, повторять нехорошие слова. Возьми сам и повтори, что боишься?

– А я не знаю что повторить, – не смутился брат, – сначала ты скажи.

– Пока я ничего не сказал, мне не попадет, а скажу, то сразу накажут.

– Я тебе ничего не сделаю, – снова пообещала мать.

– Сделаешь, когда услышишь.
– Ты что, мне не веришь? – рассердилась мать.
– Верю. Но повторить такое плохое слово не могу.
– Врет он все! – ничего я не говорил, и повторить он ничего не может.

– Нет, говорил! – обиделся я за справедливость. – И никакой я не врун!

– Врун! – с нажимом повторил брательник, уничтожая меня взглядом. – Самый настоящий врун!

– Нет, не врун!

– Врун!

– Нет, не...

– Прекратите! – оборвала нас мать. – На какую букву начинается это слово? – вдруг догадалась она.

– На букву «а», – громко ответил я, – но больше я ничего не скажу.

Мать с братом быстро перебрали в уме все известные им ругательства, но слова, начинающегося на «а», среди них не было.

– Нет такого ругательства! – облегченно выдохнул брательник.

– Действительно, нет! – согласилась мать.

– Откуда вы знаете? – удивился я. – Вы что все плохие слова знаете, да?

– Нет такого слова! – упрямо повторил брат.

– Нет, есть! – и ты его говорил.

– Нет!

– Прекратите! – остановила мать наше препирательство. – Гена, повтори, какое слово ты сказал, и я ничего тебе не сделаю.

– Ничего я не говорил! – возмущенно закричал брат.

Ситуация зашла в тупик. Матери хотелось выяснить истину и узнать, правильно она наказала сына или нет, но как это сделать, было совершенно непонятно.

В комнату вошла наша соседка тетя Маруся, вдова, которую мы с братом уважали и очень любили. Она приняла живое участие в наших делах, и когда мать ей все рассказала, она тоже попыталась вспомнить нехорошее слово, начинающееся на букву «а».

Потерпев неудачу, она обняла меня и попросила:

– Ну, Толик, повтори мне на ушко, какое слово Гена сказал?

– Да, а мама услышит и будет меня бить!

– Мы в коридор выйдем, – предложила соседка.

– И в коридоре услышит!

– Тогда ко мне в комнату пойдем!

– Не хочу повторять такое плохое слово!

– Ну, какое слово? – взмолилась соседка.

– На букву «а»!

Мать и тетя Маруся решили, что может они действительно слышали еще не все плохие слова, и отправились на консультацию к другими соседками. Но никто не знал плохого слова, начинающегося с буквы «а». Целый день всей квартирой вспоминали нехорошие слова и шепотом говорили их друг другу. Потом стали коверкать нехорошие слова, так чтобы они начинались с «а», и бегали ко мне на проверку. Шептали мне в ухо совершенно идиотское слово, которое при этом получалось, и с надеждой спрашивали:

«Ну, это слово?»

– Нет! – всякий раз отвечал я!

Мне даже в голову не приходило, что окружающие люди, оказывается, знают так много плохих слов.

Обязательно вспомнить, какое плохое слово начинается с буквы «а», стало навязчивой идеей в квартире. Но все усилия были напрасны.

Тут кому-то пришло в голову, что раз это ругательство очень страшное, то его наверняка слышал Зюзя – вор-рецидивист, отсидевший в лагерях и тюрьмах половину своей жизни и проживавший в нашем доме на третьем этаже. Отправили к нему делегацию. Зюзя сунул руку под грязную майку и задумчиво почесал синюю татуированную грудь. Как настоящий профессионал, без сомнения знавший все плохие слова в полном объеме, он не стал делиться задаром опытом, нажитым в тяжелых условиях заполярной тундры.

– Чекушку! – потребовал он, едва ворочая языком с похмелья. – И я назову вам это слово. – И зловеще добавил: – Если вы, конечно, не боитесь?

Как ни заманчиво было всем узнать такое страшное плохое слово, начинающееся с буквы «а», но скинуться на водку для Зюзи никто не пожелал. Тут все посмотрели на Смирниху, которая недавно гнала у себя в комнате самогон из какой-то мерзости, так что воняло по всей квартире.

За самогонование в те времена можно было схлопотать большую неприятность, но в нашей квартире никто, ни на кого, никогда не стучал, так как все

по очереди пользовались одним самогонным аппаратом.

– Смирниха! Налей больному Зюзе чекушку, не жмись, – попросила тетя Маруся за всех.

Естественно, что Смирнихе было до смерти жалко своей кровной самогонки, но дело было вроде как общественное. Народ хотел знать, какое такое страшное ругательство начинается с буквы «а», за которое даже Зюзя, бескорыстно делившийся со всеми богатым словарным запасом, вдруг потребовал чекушку.

Смирниха вытерла руки и молча ушла в комнату. Через минуту она вынесла небольшой пузырек с мутноватой жидкостью.

– Хай подавится! – Смирниха нехотя рассталась с самогонкой. – Идите, и узнайте, что это за слово!

На глазах представительной делегации Зюзя молча вылил содержимое бутылочки прямо в рот и удовлетворенно крякнул. Глаза его быстро затуманились, он качнулся, окинул взглядом стоящих в комнате людей, пытаясь сообразить, что им здесь нужно. Затем понимающе ухмыльнулся и вдруг заорал во всю глотку:

– О, голубка моя! Как тебя я люблю... ю... ю... у... у... – и громко зарыдал, растрогавшись от собственного задушевного пения.

Оставив рыдающего Зюзю, экспедиция за плохим словом ни с чем возвратилась на кухню.

– Ах, он паразит! – разъярилась Смирниха, узнав, что Зюзя самогонку выпил, но плохое слово на «а» так и не сказал, – фиг он теперь получит у меня чекушку!

Решили еще раз надавить на брата. Долго приставали к нему с просьбами повторить это загадочное ругательство. Все дружно обещали, что ему ничего не сделают, а может, и дадут что-нибудь в награду. Каждой соседке казалось, что ей-то Гена на ушко скажет правду. Все хотели правды и только правды!

Брательник клялся, что ничего такого не говорил и все это мои выдумки.

Тут все снова навалились на меня. Посулы дать мне что-нибудь вкусное чередовалось с угрозами выпороть так, что я неделю не смогу сесть! Я держался как гвардеец, но тут нащупали мое слабое место.

– Врун! – хором закричали несколько человек.

Гордость моя была задета, и я заплакал от обиды. Взрослые сообразили, что перегнули и вернулись к уговорам.

Наконец, я сдался и в коридоре, утирая слезы, прошептал на ухо тете Марусе: – Абармот!

– Не абармот, а обормот! – радостно закричал брательник, не зря числившийся в круглых отличниках. – Оно означает болван. Это же самое обычное слово. Оно и в словаре есть!

Все с облегчением вздохнули, а меня даже не наказали.

В деревне

Перед ужином дед выносил из горницы табуретку и усаживался отдохнуть на широком крыльце. Покойно сложив на коленях морщинистые руки, он подолгу смотрел на ржаные поля за рекой, на деревянный мост, на пыльную проселочную дорогу. Дед чинно здоровался с проходящими мимо односельчанами и иногда заводил с ними обстоятельную беседу. Убедившись, что гость настроен к серьезному разговору, дед приглашал его в горницу. Из старого резного буфета извлекался миниатюрный лафитник с водкой, настоящей на лечебных травах. Осторожно наполнив две узкие граненые рюмки, дед аккуратно слизывал с горлышка лафитника оставшиеся капли настойки и тщательно закрывал графин хрустальной резной пробкой, от которой по горнице разбегались веселые солнечные зайчики. Дед, не спеша, убирал графин в буфет, закрывал дверку, осторожно нес рюмки и ставил на стол перед гостем. Бабушка сразу подавала синее блюдо с нарезанным кружочками соленым огурцом. На этом угощение и заканчивалось.

К водке дед относился серьезно, употреблял ее понемногу и в основном, когда болел. Но однажды они с бабушкой поздно вернулись из гостей. Дед был явно навеселе и даже что-то напевал. Уже раздевшись ко сну, в белых портах и рубаше, он вдруг снова надел фуражку с высокой тульей, подошел к старому мутному зеркалу в черной резной деревянной раме, подбоченился, топнув ногой для куражу, заявил:

– И люб-то я сам себе, и красив сам себе! И умом я дошел, и красотой дошел!

– Полезай, старый дурень, на печь, детей не смей! – урезонила его бабушка.

– А что, мать, – артачился дед, – скажи как на духу: красив я, али нет?

– Красавец! – вздохнула бабушка и тихо добавляла. – Это сейчас он старенький да глупенький, а какой был!

– Вспомни, – куражился подвыпивший дед, – как ты за мной ухлестывала!

– Это ты вспомни, как мой папенька огрел тебя крапивой, когда ты к моему окну подбирался.

– Ну, ты придумаешь! – разозлился дед. – Тысячу раз тебе говорил, что проходил мимо!

– А в палисадник как же попал?

– Объяснял же тебе, бестолочь, случайно!

Рассерженный дед снял фуражку и залез к себе на печь.

Спали мы в большой горнице: дед на печи, бабушка на кровати за занавеской, а мы с брательником на широкой лавке. Бабушка добавляла в лампадку масла, кряхтя становилась на колени перед темной старой иконой и долго молилась, отвешивая глубокие поклоны. Она соблюдала все церковные обряды и посты. Дед в бога не очень-то верил, но крестился на всякий случай. Бабушка часто ругала деда:

«Старый нехристь, ботаешь молоко в пост, вот и не возьмет тебя Господь на небо».

«А откуда он про это узнает? – искренне удивлялся дед, вытирая от молока бороду и усы, – если ты ему не скажешь. Но ведь ты же мне родная жена, верно? Неужели ты своего мужа в обиду дашь?»

Утром еще затемно первой вставала бабушка, доила корову, растапливала печь, длинными ухватами ловко двигала большие чугуны и жарила в масле вкусные румяные лепешки. Проснувшись, мы умывались холодной колодезной водой и садились за стол. Не обращая внимания на неодобрительные взгляды деда, бабушка аккуратно разрежала вдоль две лепешки и посыпала их сахарным песком.

«Тогда вам сахар к чаю не положен, и так сладко, – не выдерживал дед».

Бабушка демонстративно брала из сахарницы два кубика сахара и давала нам.

Дед исключительно бережливо относился к сахару. Мы любили смотреть, как он брал в руки крупный угловатый кусок и обухом ножа точным и сильным ударом колот его пополам, затем еще и еще, да так ловко, что получались ровные кубики. Хрустальную сахарницу, с горкой наполненную кубиками, убирали в буфет. Сахарную пыль дед аккуратно сметал в ладонь и отправлял себе в рот, а мелкие осколки доставались нам с брательником.

Сахар мы любили безумно, и казалось, что на свете нет ничего вкуснее! На завтрак всем полагалось только по одному кубику. Горячий чай я не любил и пил его только чтобы не раздражать деда и не остаться без сахара. По мне, куда вкуснее была холодная вода

из колодца. Изводить сахар на чаепитие мне казалось глупостью, и я ловко прятал кубик сначала за щёку, а потом незаметно перекладывал в карман. Расколос драгоценный обсосанный кубик на мелкие кусочки, я наслаждался целый час, а на ужин полагался еще один кубик.

Вообще-то сахар привозили наши родители, когда отправляли нас в деревню, и с изрядным запасом, учитывая рачительность деда к этому продукту, но нам больше все равно не доставалось.

Однажды, изнемогая от недостатка глюкозы, мы с брательником решили похитить два кубика из буфета. Но днем сделать это не удалось, так как лил дождь, у бабушки разболелась поясница и она все время находилась в горнице. Пришлось отложить операцию на вечер, но бабушка так долго молилась, что я уснул под ее бормотание, и брательник еле разбудил меня ночью. В горнице было темно, и только лампадка таинственно мерцала в углу под образами. Дед раскатисто храпел, а бабушку совершенно не было слышно за занавеской. За сахаром брательник отправил меня, так как подомной не скрипели половицы. Еще с вечера мы придвинули табуретку к буфету. Бабушка ее не заметила и на место не поставила. На цыпочках по холодному некрашеному полу я прокрался через горницу, залез на табуретку, а потом на буфет и открыл стеклянную дверку. Сахарница с кубиками стояла на нижней полке, а верхнюю украшала ваза с большими угловатыми кусками колотого сахара. Мы собирались взять только по кубику, но моя рука неожиданно схватила из вазы са-

мый большой кусок, и мне так и не удалось разжать пальцы.

Когда я залез под одеяло и брательник нащупал в моей руке такую громадину, то сразу отвесил мне подзатыльник в чисто воспитательных целях.

– Ты воруй, воруй, но меру-то знай! – прошипел он мне в самое ухо.

От такого большого куска было трудно откусить. Брательник предложил сосать его по очереди, но я испугался, что быстро засну, и он всё слопает один.

– Тогда я откушу кусок, а ты в это время кашляй, чтобы приглушить звук, – предложил брательник.

«Как хорошо иметь такого умного старшего брата», – с гордостью подумал я.

Сахар был такой крепкий, что у брата изо рта летели синие искорки хорошо видимые в темноте под одеялом.

Брательник передал мне кусок сахара.

– На, теперь ты кусай, а я буду кашлять!

– Нет уж, фигушки! – быстро сообразил я, – У тебя рот большой, а у меня маленький. Лучше я снова буду кашлять, а ты мне откуси!

Так я и уснул с куском сахара во рту.

Утром мы с брательником ели творог с молоком из одной миски, и я сделал ему замечание, что он слишком торопится.

– Перегороди тарелку ложкой, и жди пока я съем свою половину, а потом ты спокойно доешь свою, – предложил брательник.

Я наивно поверил ему и перегородил тарелку ложкой, да еще держал ложку так, чтобы моя половина была больше. И тут я с ужасом обнаружил, что моя половина убывает так же быстро, как и его, а брательник так торопился, что чуть не подавился. Когда я, наконец, сообразил, что меня провели, в тарелке показалось дно.

В отчаянии я стукнул брата деревянной ложкой в лоб, но угодил в переносицу. Творогом брательнику залепило глаза. В надежде вслепую попасть мне по голове, брательник яростно размахивал своей ложкой над столом. Отойдя в сторону, я с безопасного расстояния наблюдал за его манипуляциями. Дед аккуратно облизал свою деревянную ложку на длинной ручке, привстал и ударил брательника прямо в лоб.

Когда мы заканчивали пить чай, под окном горницы появился мой глухонемой приятель Ленька. Он свободно понимал по губам все, что мы говорили. Я выглянул в окно. Ленька сложил ладони и энергично потер их одна о другую, поясняя свой жест выразительным мычанием.

– Чего он хочет? – заинтересовался брательник.

– Это у нас такое приветствие, – соврал я, отлично понимая, что Ленька приглашает меня идти воровать огурцы в колхозный сад.

Ленька страшно любил огурцы и всегда носил с собой немного соли и нож. Он разрезал огурец пополам, солил внутри, складывал вместе две половинки и тер их друг о друга. Именно это действие он мне и показывал.

Пригибаясь между грядками, мы пробрались на колхозное поле. На земле в тени широких колючих листьев лежали зеленые пупырчатые огурцы. За пазухой они щекотали голый живот. Ленька не смог утерпеть и прямо на грядке разрезал огурец пополам, посолил его, и стал жадно есть. Я взял три огурца – столько, сколько мог съесть. Домой их всё равно не понесешь – дед отлупит, так что неделю не сядешь.

Ленька ел огурец, закатив от блаженства глаза, когда появился сторож. Кто-то крикнул: «атас» и все бросились вроссыпную. Глухой Ленька невозмутимо сидел на грядке и вкушал лакомство. Убегая, я швырнул в него комок земли, чтобы предупредить, но не добросил.

Из-за плетня мы с ужасом наблюдали, как сторож подкрался к Леньке и схватил его за ухо.

– Ага, попался воришка! – закричал сторож.

Ленька крутился и жалобно мычал.

– Ну-ка, говори сейчас же, кто еще с тобой был? Живо! А то ухо оторву!

Ленька, конечно, понимал все, что говорил ему сторож, но когда надо он мог изобразить из себя полного идиота, и замычал еще громче.

– Ах, ты разговаривать не желаешь? – рассердился сторож, не зная, что Ленька действительно глухонемой, и дал ему оплеуху.

Ленька мычал, показывая пальцем себе в рот, и сторож, наконец, понял, что он действительно не может говорить.

– Ну, а слова ты понимаешь? – спросил он, и Ленька радостно закивал головой.

– Тогда покажи дома, где живут твои приятели, – вдруг заявил сторож.

Ленька замычал и отрицательно затряс головой, показывая, что не понимает.

– Опять не понимаешь? А вот я сейчас отведу тебя в правление, и там составим акт – пусть твои родители штраф заплатят.

Но Ленька вдруг вырвался, упал на землю и стал биться в конвульсиях. На губах у него появилась пена. Испуганный сторож тряс его за плечо и повторял:

– Эй, парень, ты это... брось, не умирай!

Мы катались от смеха, так как Ленька уже демонстрировал нам свои артистические способности, симулируя приступ эпилепсии, которой страдал его младший брат. Особенно эффектно он закатывал глаза, так что видны были только белки, и рожа получалась жуткая.

Сторож взял Леньку на руки и понес в деревню. Мы сторонкой следовали за ними. До деревни было с полкилометра, и сторож умаялся на такой жаре.

На околице пожилая колхозница показала сторожу дом, где жил глухонемой эпилептик. Так Ленька и доехал до дому с комфортом.

Ленькина мамаша, увидев сына, закричала на сторожа, обвиняя его в том, что он специально угробил ребенка и она, при помощи знакомого прокурора, обязательно упечет его в тюрьму. Так что сторож про огурцы сразу забыл и отбыл восвояси.

Но и мы с воровством завязали, слух по деревне все же прошел, и дед в целях профилактики хлестанул меня хворостиной, так что бурый рубец на ягодице я целую неделю демонстрировал приятелям, выдавая его за старый сабельный шрам.

Каждый день рано утром под нашими окнами однорукий пастух-татарин гнал на выпас стадо коров. Его бич издавал громкие, словно выстрелы, звуки. Наша корова Красуля со своим теленком Мокой присоединились к стаду. Коровы, не спеша, шли на пастбище за реку на широкие заливные луга.

У пастуха не было своего дома, и он по три дня жил и столовался в крестьянских домах. Когда он первый раз пришел ночевать в наш дом и разделся ко сну, я с ужасом увидел багровый обрубок его руки и плечо, изуродованное осколками снаряда. Рано утром еще затемно пастух на маленьком коврикe долго молился. Мой двоюродный братан Колька Дядин рассказал, что у пастуха какая-то другая вера и что он не ест свинину. Колька зажал в руке угол своей рубахи, так что получилось нечто похожее на свиное ухо.

– Знаешь, что будет, если показать это пастуху? – Колька потряс перед моим носом матерчатым свиным ухом.

– Нет, а что?

– Убить свободно может, вот что!

Я тогда не поверил брату.

Однажды мы целый день ловили в реке голавлей и раков, засовывая руки под черные скользкие коряги. Продрогнув, бегали друг за другом по заливному лугу.

И тут я заметил на противоположном берегу однорукого пастуха. Совершенно непроизвольно я показал пастуху свиное ухо, сжав угол своей рубашки. Его реакция была мгновенна и ярость безумна. Он кинулся в реку, без труда догнал нас и безжалостно отстегал пучком крапивы прямо по голым ногам и лицу. Боль была адская.

Когда я с рыбой вернулся домой, дед поинтересовался, отчего у меня такое красное лицо. Я признался. Дед, вместо того чтобы пожалеть меня, вдруг пришел в ярость и раза три успел стегануть меня хворостиной, неведомо как оказавшейся в его руках.

– Смеяться над верой человека – самое последнее дело, – приговаривал дед, – и запомни это на всю жизнь!

И я запомнил это на всю жизнь

На другой день меня отправили к пастуху просить прощения. Бабушка дала узелок с горячими лепешками, и мы с Колькой, преодолевая страх, отправились за реку. Пастух встретил нас очень дружелюбно, сразу же простил, и мы втроем тут же съели вкусные лепешки.

На даче

Одно лето мы жили на даче в Мельничном Ручье. Несколько семей наших родственников в складчину снимали веранду, собирали вместе всех детей и женщины по очереди по две недели нас пасли. В тот год нам досталась широкая, продуваемая насквозь веранда в большом доме, где было еще несколько квартирантов. Дачу окружал старый запущенный сад и большой огород. Только уж очень неприятный был хозяин – сутулый, вечно небритый мужик, прихрамывавший то на левую, то на правую ногу. Иногда, работая на огороде, он забывался, и хромота пропадала вовсе.

Хозяин ютился в сараюшке, а весь дом сдавал. Дачникам разрешалось ходить по саду только в две стороны: в туалет к заднему забору и к калитке. Шаг в сторону рассматривался как покушение на хозяйскую собственность, и квартирантам в тот же день отказывали. Все дети были строго предупреждены о правилах движения.

Хозяин жил один, сам управлялся с огородом и еще торговал в городе на рынке. Бабки злословили по поводу холостяцкой жизни хозяина и утверждали, что никогда не найдется дуры батрачить на этого куркуля.

Его недолюбливали все и в поселке называли не иначе как Красавчик Смит – по имени отрицательного героя повести Джека Лондона «Белый клык». Хозяин полностью оправдывал свою кличку и был для нас детей средоточием грусти, жестокости и подлости.

Во-первых, он не был на войне, может по болезни, но для нас детей в те послевоенные годы это было бесспорным проявлением трусости.

Во-вторых, у него был крупный цепной пес по кличке Джек, которого днем он запирали в сарае, чтобы не покусал дачников, а ночью выпускали охранять огород. Сарай, где в дневные часы в заключении томился Джек, стоял возле тропинки, ведущей к туалету, и мы часто просовывали в щели между досками кусочки хлеба. Пес с благодарностью лизал нам пальцы горячим шершавым языком. Утром и вечером Красавчик заходил в сарай кормить Джека. Что он там с ним делал, остается на его совести, но из сарая по всей округе разносился такой жалобный визг и лай, что хватало за сердце. Однажды на улице я слышал, как бабка Дарья сказала: «Опять мучает собаку, фашист!»

В-третьих, когда Красавчик возвращался из города и шел по улице, то старался забить куда-нибудь в крапиву наш самодельный тряпочный мяч или давил кирзовыми сапогами песочные куличики моих сестренок.

Обычно мы играли в футбол на широкой пыльной улице около дома. В тот день нам посчастливилось играть настоящим резиновым мячом – красно-синим, упругим и звонким. Такой мяч был в те годы большой редкостью и ценностью и обладал им худенький и бледненький мальчик Игорь, которого приводила к нам с государственных дач его нянька. Как мы потом узнали, Игорь был сыном генерала и страдал врожденным пороком сердца. Мальчику не разрешали бегать. Он с радостью и завистью следил за нашей игрой.

Рисунок Ольги Граблевской ко второму изданию книги «Ужостра» (2008 год).

Большого упоения, чем та игра в футбол, я еще не испытывал. Мяч был упругий и далеко отлетал от ноги, не то что наш тряпичный. Не рассчитав боковую передачу, я так сильно ударил, что мяч неожиданно перелетел через забор и запрыгал по грядкам, беспощадно сминая дорогую клубнику. Эту ягоду я пробовал в жизни дважды: один раз тетка купила у соседки на всех два стакана, а в другой раз нас угостил ворованной клубникой местный деревенский мальчишка Витюха. На нашу беду на улице показался Красавчик с пустыми корзинами в руках. Он еще издали увидел, как мяч перелетел его забор, и, забыв про хромоту, помчался к калитке. Швырнув корзины под яблони, хозяин схватил у поленицы топор и бросился на грядки к мячу. С

первого удара мяч благополучно отскочил в сторону, но зато Красавчик с хрястом разрубил пополам куст клубники. Еще несколько яростных беспорядочных ударов, сопровождаемых злобной руганью, не достигли цели. Мы приникли к щелям забора, с замиранием сердца ожидая рокового удара. Хозяин устал гоняться за прытким мячом и уже вытоптал значительную часть грядки. Тогда он повернулся к нам, и я на всю жизнь запомнил его искаженное злобой лицо с оттопыренной нижней губой, обнажавшей редкие до желтизны прокуренные зубы. Красавчик медленно повернулся к мячу и хладнокровно с одного удара разрубил его пополам.

Жалобный вздох издал разрубленный мяч. Красавчик поднял его и перебросил к нам через забор. Кто был поменьше, заплакал навзрыд, мальчика Игоря нянечка увела еще раньше, чтобы не волновать. На высоте оказался один Витюха, крикнувший Красавчику: «Фашистская морда!» – и запустивший в него ком земли, который запорошил пылью его глаза.

Я просто задохнулся от обиды и злости и способен был, наверное, убить этого гада, если бы со мной был мой браунинг. Пистолет я выменял у Витюхи за перочинный нож. Браунинг был настоящий, но настолько проржавевший, что в ствол не влезала даже спичка, ничего в нем не разбиралось и не двигалось, спусковая скоба не шевелилась, но я начистил его речным песком, и он смотрелся в руке очень внушительно.

Первым моим желанием было побежать в туалет, достать спрятанный там браунинг, навести ствол на

Красавчика и, подражая Витюхе, крикнуть: «Руки вверх! Фашистская морда!» – и увидеть в его глазах страх.

Понятно, что у меня отберут браунинг, нас выселят с дачи и, может быть, тетку будут таскать в милицию, но Красавчик должен быть наказан!

Я помчался по дорожке к туалету и, закрывшись на крючок, вскарабкался на горизонтальную перекладину. Встав на цыпочки, с трудом дотянулся до светового окошка, расположенного над дверью, где на узкой полочке и хранился мой браунинг. Схватив пистолет, я хотел спрыгнуть вниз, но потерял равновесие и чуть не сорвался. Пальцы мои случайно задели осиное гнездо, висевшее прямо над полочкой и охранявшее драгоценный клад. Вылетевшие осы несколько раз больно ужалили меня в руку, но я стерпел и не выпустил браунинг. Кисть распухла и горела от боли.

«Вот если бы эти осы ужалили Красавчика, – подумал я, да не куда-нибудь, а в голый зад!». Тут у меня в голове мелькнул интересный план, но ярость помешала сосредоточиться и обдумать его как следует.

Потуже затянув веревку на штанах, я засунул за нее браунинг и решительно направился к даче.

У дома и на улице кипели страсти. Из-за забора кричали дети и бабки, обзывая хозяина фашистом и извергом. У крыльца Красавчик требовал от моей тетки, чтобы она со своим выводком немедленно съехала, а куда – это его не интересует!

Я подошел сзади к Красавчику и изготовился, но он как почувствовал опасность и шмыгнул в дом. Я за

ним, но Красавчик так быстро бегал, туда сюда, что не давал мне возможности его пугнуть. А когда я всё-таки зашел к нему с тыла и крикнул: «Руки вверх!» – то он просто не обратил на меня внимания и пробежал как мимо пустого места. Я обиделся до слез, но быстро успокоился и решил, что «нет худа без добра» и теперь мой браунинг останется при мне.

По моему замыслу именно осиное гнездо должно было стать орудием возмездия, и я решительно направился к своему чемодану. Все готовились к переезду, и на меня никто не обращал внимания. На этой даче нам и так осточертело, и вопрос о переезде стоял давно. Нас удерживало только то, что хозяину было уплачено вперед за две недели. Тетка уже присмотрела в поселке комнату дешевле и лучше этой веранды.

Пока все бегали и суетились, я достал из своего фанерного чемоданчика моток крепких суровых ниток, из которых надеялся когда-нибудь сделать удочку и ловить рыбу, и отправился к туалету. Балансируя на одной ноге, я с немалым трудом закрепил петлю на шаткой дощечке, на которой висело осиное гнездо, а клубок ниток выкинул наружу в дырку от выпавшего сучка в доске задней стенки. Когда я вышел из туалета и проходил мимо сарая, меня учуял Джек и сразу заскулил.

К вечеру мы переехали на дачу в самом конце этой же улицы. Так и не разобрав вещи, целый вечер обсуждали, как починить мяч, но, увы, он был разрублен на две половинки. Наконец, мои друзья разошлись по домам, а мы легли спать все вместе поперек матра-

са. Тетка накрыла нас одним большим лоскутным одеялом. Я решил лечь с краю, чем вызвал общее удовольствие моих братьев и сестер.

Спал я плохо, просыпался от каждого шороха. Как только затеплился рассвет, в комнате у хозяев зазвенел будильник. Многие жители поселка работали в городе и уезжали первым поездом.

Я выскользнул из под одеяла, надел штаны и рубашку и осторожно, чтобы не скрипнуть половицей, и случайно не разбудить чутко спящую тетку, прокрался на крыльцо веранды.

Утро было прохладное и росистое. Солнце еще не взошло, но высокие легкие облака уже пламенели в бледной синеве, а верхушки сосен замерли в ожидании первого прикосновения солнечного луча. Роса алмазными блестками искрилась в траве и холодом щекотала босые ноги.

По лесной тропинке я отправился к туалету Красавчика. Подернутая росой пыль, днем такая мягкая и теплая, а сейчас скользкая и холодная, сразу прилипла к ногам, а корни деревьев, как нарочно, цеплялись за пальцы. Я осторожно подкрался к задней стенке туалета и ко мне бросился Джек, которого еще не засадили в сарай. Он был очень умный и не лаял, а только лизал мне руки и отчаянно вилял пушистым хвостом. Жалко было, что не захватил с собой хлеба.

На крыльце появился хозяин и направился к туалету. По пути он запер Джека в сарай. Я подкрался к забору и намотал на палец конец нитки. Когда стало

ясно, что Красавчик зашел в туалет надолго, я несколько раз дернул за нитку.

Вначале ничего такого не произошло, и даже не слышно было скрипа качающейся доски, на которой висело осиное гнездо. Затем раздался отчаянный звонкий вопль, потом вой и снова вопль. Мощный удар, второй, третий и выбитая дверь туалета плашмя упала на тропинку. Красавчик полусидя, поддерживая руками спущенные штаны, тяжело, как динозавр, запрыгал по двери, громяхая кирзовыми сапогами. Он упал на дорожку и, продолжая кричать, покатился по клубнике.

Я развернулся и что есть духу, помчался по тропинке к дому.